

Тан Шэню было горько и обидно, он обиженно захлопал глазами:

— Учитель подшучивает надо мной!

Фу Вэй громко рассмеялся и прямо палочками указал на Ван Чжэня:

— Восемнадцатый год Кайпин, чжуаньюань. — Затем он указал на себя: — Ваш учитель не так хорош. В тот год я сдавал экзамен вместе с Чжун Тайшэном и вошел в тот же список цзиньши. Не повезло мне страшно: он стал чжуаньюанем, а мне досталось лишь звание баньяня. — Тут он посмотрел на Тан Шэня: — А ты у нас Таньхуа. Наша школа забрала себе все три места в первой группе! Полный комплект!

Ван Чжэнь молча слушал слова Фу Вэя, не проронив ни звука.

Тан Шэнь взглянул на Ван Чжэня, и в его голове созрел план. Он произнес:

— Старший брат Цзыфэн однажды привел мне одно сравнение.

Фу Вэй заинтересовался:

— О, и какое же?

Ван Чжэнь поднял глаза и посмотрел на Тан Шэня.

Тан Шэнь подумал про себя: «Мне в этом году всего шестнадцать, смотри сколько угодно, с детей взятки гладки!»

— Тогда, когда я стал Яюанем на провинциальном экзамене, старший брат Цзыфэн сказал мне, что он — Цзеюань, а я — Яюань. И что мы — словно дракон и феникс, приносящие счастье, и у нашей школы полный комплект. Теперь же я думаю: старший брат Цзыфэн — чжуаньюань, а вы, учитель, — баньянь. Разве вы двое — это не те же дракон и феникс, приносящие счастье? Поистине благое предзнаменование!

Фу Вэй промолчал:

— ...

Ван Чжэнь лишь слегка улыбнулся.

Во время обеда Фу Вэй то и дело сердито посматривал на Ван Чжэня, но тот делал вид, что ничего не замечает, а под конец даже подлил учителю вина.

Закончив с трапезой, учитель и ученики с чашками дымящегося чая Билочунь, собранного до праздника Цинмин, устроились в гостинном павильоне, чтобы насладиться цветами и вкусом чая. Сад в поместье Фу при лунном свете был по-своему прекрасен, а издали доносилось редкое кваканье лягушек из пруда. Они проговорили довольно долго; в основном это были наставления и советы Фу Вэя Тан Шэню.

Фу Вэй произнес:

— Чиновничья среда — это совсем другое дело. Как учитель я могу лишь проводить тебя до этого порога, а в будущем — разве что направлять. Всё остальное зависит от тебя. Ты — Таньхуа, и в отличие от остальных цзиньши из второй и третьей групп выпускников, тебе уже пожалована должность младшего составителя в Академии Ханьлинь седьмого ранга. Хотя твой

учитель и числится главой Академии Ханьлинь, я остался лишь потому, что император удержал меня от отставки, и сам редко там бываю. Через несколько дней ты вступишь в должность. Есть ли у тебя какие-то вопросы или неясности?

Тан Шэнь впервые становился чиновником, да еще и в древности. Непонятного было предостаточно, поэтому он стал расспрашивать обо всем по порядку.

На часть вопросов ответил Фу Вэй, на другие — Ван Чжэнь.

Когда луна поднялась высоко над верхушками деревьев, Тан Шэнь и Ван Чжэнь стали прощаться с Фу Вэем.

Братья по обучению вместе вышли за ворота поместья Фу. Тан Шэнь собирался вернуться домой и уже хотел распрощаться с Ван Чжэнем, как вдруг заметил, что тот смотрит на луну и указывает пальцем на небо. Тан Шэнь проследил за его жестом. При яркой луне звезд обычно почти не видно, но в древние времена, где не было городского освещения и загрязнения воздуха, даже при полной луне на небе сияли десятки ярких созвездий.

— «Рукой достать до звезд небесных». Младший брат, помнишь ли ты строчку из своего стихотворения?

Тан Шэнь, набравшись смелости, ответил:

— Помню. К чему старший брат Цзыфэн вспомнил об этом?

Ван Чжэнь прочел:

— «И громко говорить не смею, чтоб небожителей не потревожить».

Тан Шэнь не сразу сообразил, к чему это, как вдруг Ван Чжэнь указал пальцем ввысь и сказал:

— Твоя благодать поистине безгранична, младший брат. Ведь ты уже встревожил небожителя!

В голове Тан Шэня промелькнула вспышка, и он мгновенно понял, что имел в виду Ван Чжэнь.

Небожитель был только один — Чжао Фу.

Оказывается, Чжао Фу продвинул его в первую группу выпускников, подняв с пятого места на дворцовом экзамене на третье, именно из-за того стихотворения, которое он когда-то написал во время занятий в Академии Гоцзыцзянь! Оглядываясь назад на свой путь государственных экзаменов после прибытия в Шэнцзин, Тан Шэнь понял, что Посещение императором академии Пиюн в Академии Гоцзыцзянь и стало первопричиной того, что он получил звание Таньхуа. Однако это Посещение императором академии Пиюн было напрямую связано с успеваемостью на занятиях, где нужно было непременно войти в тройку лучших — а об этом ему в свое время рассказал именно Ван Цзыфэн.

На лбу Тан Шэня выступил холодный пот. Он и подумать не мог, что даже это было связано с Ван Цзыфэном.

Тан Шэнь почтительно поклонился:

— Премного благодарен старшему брату Цзыфэну.

Ван Чжэнь с улыбкой возразил:

— А я вот не пойму, за что именно младший брат меня благодарит.

Тан Шэнь не стал развивать тему. Он подумал про себя: «Сам же прямо намекнул, неужели не ради моей благодарности? К чему тогда строить из себя невинного ягненка?» Но вслух произнес:

— Благодарю старшего брата за наставления!

Ван Чжэнь улыбнулся. Пройдя еще несколько шагов, он вдруг спросил:

— В своем стихотворении ты говоришь, что хочешь дотянуться до звезд. Но знаешь ли ты, какое здание самое высокое в Шэнцзине и во всей Великой Сун?

Тан Шэнь задумался:

— Терем Цяньли?

Ван Чжэнь покачал головой:

— Башня Сюйцзи!

Башня Сюйцзи находилась на севере города. В экипаже из Резиденции министра Тан Шэнь и Ван Чжэнь добрались до ее подножия. Тан Шэнь поднял голову и обомлел: перед ним высилось девятиэтажное здание!

В древности высокими постройками обычно были лишь храмовые пагоды. Но конструкция буддийских пагод отличалась от обычных зданий — они строились так, чтобы сохранять устойчивость даже на большой высоте и не бояться ветра. С тех пор как Тан Шэнь оказался в этом времени, он ни разу не видел зданий выше пяти этажей, не говоря уже о девяти! Раньше он никогда не бывал в северной части Шэнцзина, поэтому и не знал об этой башне. Впрочем, даже если бы и пришел сюда раньше, его бы вряд ли пустили.

У подножия Башни Сюйцзи стояла многочисленная стража в доспехах!

Ван Чжэнь предложил:

— Давай поднимемся и посмотрим.

Тан Шэнь ни капли не сомневался в словах Ван Чжэня. Раз уж тот так сказал, они точно пройдут внутрь. Он последовал за Ван Чжэнем к дверям Башни Сюйцзи. И верно: заведя Ван Чжэня, стражники тут же расступились, пропуская их внутрь.

Девять этажей... В прошлой жизни Тан Шэнь привык к лифтам и уже много лет не поднимался на такую высоту пешком. В нынешней жизни о подобном и говорить не приходилось. Когда они добрались до верхнего яруса, даже у Ван Чжэня сбилось дыхание. Глядя на капельки пота на лбу Ван Цзыфэна, Тан Шэнь с удивлением осознал, что его старший брат — всего лишь обычный человек.

Но стоило ему подумать, что «старина Ван» обрел земные черты и стал казаться ближе, как тучи разошлись, и лунный свет озарил Ван Цзыфэна. В этом сиянии он выглядел так, словно вот-вот обратится в бессмертного и вознесется на небеса — и вновь ни следа от простого смертного!

Тан Шэнь почувствовал невыносимую душевную усталость.

Тан Шэнь спросил:

— Почему старший брат Цзыфэн решил прийти сюда именно сегодня? Внизу столько стражников, я думал, нас не пропустят.

— Знаешь ли ты, что означает название «Башня Сюйцзи»?

Будь на его месте кто-то другой, пусть даже чжуанъюань этого года Яо Шань, он вряд ли смог бы ответить. Однако Тан Шэнь обладал суперспособностью — феноменальной памятью. Он читал далеко не только Четверокнижие и Пятикнижие, но и знал наизусть труды многих других философских школ. Немного подумав, он ответил:

— «Достигни предела пустоты и свято храни покой».

Цитата из даосского канона «Дао дэ цзин».

В глазах Ван Чжэня промелькнуло одобрение:

— Верно, именно «достигни предела пустоты и свято храни покой». Пять лет назад Его Величество пожелал возвести высочайшее здание, чтобы дотянуться до небес в поисках Дао. Финансовый приказ начал строительство четыре года назад. В следующем месяце работы завершатся, и Его Величество лично прибудет сюда, чтобы провести великую церемонию Сюйцзи.

— Вот оно как.

Но какое отношение это имело к нему самому?

Ван Чжэнь повернулся к югу. Сейчас они стояли лицом к югу, спиной к северу, совсем как император, и весь Шэнцзин лежал перед ними как на ладони! Вдруг Ван Чжэнь протянул руку к небу и негромко продекламировал стихотворение Тан Шэня:

— «Сто футов высоты у башни этой, рукой достать до звезд небесных. И громко говорить не смею, чтоб небожителей не потревожить»... Стоя здесь, младший брат, как думаешь, можно ли дотянуться до звезд?

«Да даже если встать на солнце, звезду не сорвешь!»

Тан Шэню, с его сугубо техническим складом ума, чужды были подобные романтические излияния. Но он не мог прочесть Ван Чжэню лекцию по астрономии о том, что звезды — это далекие-далекие солнца. Поразмыслив, он выдал фразу, показавшуюся ему самому верхом поэтичности:

— Пока звезды сияют в сердце, до них всегда можно дотянуться.

Ван Чжэнь резко повернул голову и пристально посмотрел на него.

У Тан Шэня перехватило дыхание.

«...Это еще что за взгляд?»

Ван Чжэнь вдруг негромко рассмеялся.

Тан Шэнь мысленно недоумевал.

Неужели тот над ним смеется?

Под лунным светом Ван Цзыфэн, облаченный в белое парчовое одеяние, тихо произнес:

— Конфуций говорил: «Учившиеся у одного учителя зовутся сотоварищами-пэн, а разделяющие одни стремления — друзьями-ю». Цзинцзэ, как думаешь, кто мы друг другу: сотоварищи или друзья?

Сердце Тан Шэня пропустило удар, в голове зазвучал сигнал тревоги, и он вскинул взгляд на Ван Чжэня.

Ван Чжэнь смотрел на него с мягкой улыбкой. В его чистых глазах читалось нечто столь глубокое, чего Тан Шэнь никак не мог разгадать.

Вышедшие из одних врат — сотоварищи по учебе, но лишь соратники в стремлениях становятся друзьями!

Ван Цзыфэн... испытывал его сердце!

От автора:

Сосед Лао Ван: Кто же мы — соученики или соратники?

Маленький господин Тан (с испуганным лицом): Что ты задумал?!

Густые тучи скрыли луну, и на вершине Башни Сюйцзи остался лишь свист ветра. Ночной ветер проносился над землей, пригибая дикую траву. И хотя на дворе стоял апрель и весна уже вступила в свои права, Тан Шэнь почувствовал, как к самому сердцу подкатывает леденящий холод.

Сперва Тан Шэнь ошеломленно уставился на Ван Чжэня, но быстро взял себя в руки, и взгляд его стал глубоким и непроницаемым.

Они с Ван Чжэнем учились у одного наставника, так что сотоварищами-пэн они уже были в любом случае. Но Ван Чжэнь говорил, что друзьями-ю становятся лишь те, кто разделяет стремления! Откуда Тан Шэню знать, к чему стремится Ван Чжэнь? Неужели этим вопросом он вынуждает его сделать выбор и примкнуть к его стороне?

<http://bllate.org/book/18292/1754522>